Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Историко-философский АЛЬМАНАХ

Выпуск 5

2015

В пятом выпуске «Историко-философского альманаха» представлены исследования, посвященные истории западноевропейской и русской мысли. Особое место в этом выпуске занимают исследования средневековой западной мысли и ряд работ, посвященных основным темам и проблемам русской философии. В Приложении помещен новый перевод сочинения Порфирия «О жизни Плотина и порядке его сочинений», выполненный Д.В. Бугаем, а также новая публикация известного русского историка философии и науки В.П. Зубова (1900–1963).

ISBN 978-5-93883-272-5

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Историко-философский АЛЬМАНАХ

Выпуск 5

Москва
Издатель А.В. Воробьев
2015

УДК 1(091)
ББК 87.3 (0)
И902

Редакционная коллегия:
Васильев В.В. (главный редактор), Маслин М.А. (соредактор),
Бугай Д.В. (ученый секретарь), Козырев А.П., Селиванов Ю.Р., Шишков А.М.

Рецензенты:
д.ф.н. Соколов В.В., д.ф.н. Грехнев В.С.

И902 Историко-философский альманах: Выпуск 5 / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. — 228 с.

ISBN 978–5–93883–272–5

В пятом выпуске «Историко-философского альманаха» представлены исследования, посвященные истории западноевропейской и русской мысли. Особое место в этом выпуске занимают исследования средневековой западной мысли и ряд работ, посвященных основным темам и проблемам русской философии. В Приложении помещен новый перевод сочинения Порфирия «О жизни Плотина и порядке его сочинений», выполненный Д.В. Бугаем, а также новая публикация известного русского историка философии и науки В.П. Зубова (1900–1963).

© Коллектив авторов, 2015
© Воробьев А.В. & ЦСК, оформление, 2015

ISBN 978–5–93883–272–5

СОДЕРЖАНИЕ

Из истории западной философии

Гарнцев М.А.
Сен-Викторская школа и трактат «О созерцании и его видах» 5

Маслов Д.К.
Цезарь и король Генрих 17

Иоанн Дунс Скот
Вопросы к первой книге трактата
«Об истолковании» Аристотеля (6-81)
Перевод Д. Маслова и А. Юнусова 28

Маслов Д.К.
Об одной возможной полемике между двумя Францисками 45

Русская философия

Интервью с заведующим кафедрой истории русской философии
М. А. Маслиным в связи с 70-летием кафедры
Интервью проведено профессором В. В. Васильевым 18.09.13 54

Черняев А.В.
«Разрывы и связи»: проблема преемственности в русской философии 66

Судьин Г.Г.
«Слово о полку Игореве» в русской философии и культуре 81

Судьин Г.Г.
М.Ю. Лермонтов и В.Г. Белинский в Пятигорске, 1837 года:
кто был адептом и кто был оппонентом Вольтера? 94

Чернышева А.В.
Культура как результат человеческих усилий:
философия культуры А.А. Богданова 107

Ванчугов В.В.
Из истории манипуляции именами в русской философии:
представление и полемический прием 117

Семенова С.Г.
Odium fati в русской религиозно-философской мысли 130

Гачева А.Г.
От имяславия к имядействию: А.К. Горский, Н.А. Сетницкий,

В.Н. Муравьев в кругу споров об имени 139

Приложение 1

Порфирий
О жизни Плотина и порядке его книг
(ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΠΛΩΤΙΝΟΥ ΒΙΟΥ ΚΑΙ ΤΗΣ
ΤΑΞΕΩΣ ΤΩΝ ΒΙΒΛΙΩΝ ΑΥΤΟΥ)
Перевод и комментарий Бугай Д.В. 161

Приложение 2

Зубов В.П.
Античные писатели о жемчуге и его добыче 215

Гарнцев М.А.

СЕН-ВИКТОРСКАЯ ШКОЛА И ТРАКТАТ «О СОЗЕРЦАНИИ И ЕГО ВИДАХ»

История Сен-Викторской школы начинается в 1108 году. Именно тогда Гильом из Шампо, магистр кафедральной школы при соборе Парижской Богоматери, в сопровождении своих учеников покинул школу при Нотр-Дам и в стремлении к уединенной жизни обосновался напротив стен Парижа на почти пустынном левом берегу Сены. Там он возглавил составленную из его учеников небольшую общину уставных (регулярных) каноников, подчинявшихся «Уставу св. Августина». Община почитала в качестве покровителя св. Виктора Марсельского. В 1113 году Гильом из Шампо был рукоположен в сан епископа Шалон-сюр-Марн, а за его «детищем» король Людовик VI, который поддерживал реформаторские начинания Гильома, закрепил статус аббатства уставных каноников, обладающего правом свободного избрания настоятеля. Приором Сен-Викторского аббатства был избран Гильдуин, и в этом сане его утвердил в следующем году папа Паскаль II. При Гильдуине не только началась работа по возведению зданий аббатства Сен-Виктор, но и были сделаны шаги по его превращению в крупный образовательный центр.

После 1115 года в Сен-Викторское аббатство прибыл Гуго Сен-Викторский, уроженец Саксонии, обучавшийся в общине уставных каноников в Хамерслебене. Именно ему было суждено ок. 1227 года стать не просто магистром Сен-Викторской школы, а ее подлинным светилом. Обладая разносторонним складом ума, Гуго не только достиг выдающихся успехов в освоении и преподавании свободных искусств, но и написал многочисленные экзегетические, теологические и духовные произведения. Гуго Сен-Викторский умер 11 февраля 1141 года, оставив обширное рукописное наследие. Работу по подготовке и изданию первого «Полного собрания сочинений» Гуго возглавил аббат Гильдуин. “Opera Omnia” составили четыре больших тома (volumina), ни один из которых (увы!) доселе не сохранился[1]. Но в 1151 г. или в 1152 г. (примерно спустя десятилетие после смерти Гуго) Гильдуин распорядился составить список считавшихся тогда аутентичными сочинений Гуго Сен-Викторского с указанием их названий, с обозначением того, с какого по какой лист манускрипта было записано сочинение, и зачастую с цитированием начальных и заключительных слов сочинения. Этот индекс или

[1] Об *editio princeps* Гильдуина см.: Stammberger R.M.W. Die Edition der Werke Hugos von Sankt Viktor (gest. 1141) durch Abt Gilduin von Sankt Viktor (gest. 1155) — Eine Rekonstruktion // Schrift, Schreiber, Schenker: Studien zur Abtei Sankt Viktor in Paris und den Viktorinern / Herausgegeben von R. Berndt. Berlin: Akademie Verlag, 2005. S. 119–231.

каталог (*Indiculum*) Гильдуина, сохранившийся в ms. Oxford, Merton Coll., 49[2], оказался впоследствии одним из самых эффективных средств определения аутентичности трудов Гуго Сен-Викторского.

Не фигурировавший в *Indiculum* Гильдуина трактат «О созерцании и его видах» не вошел в собрание сочинений Гуго Сен-Викторского, опубликованное в латинской «Патрологии» Миня (PL, *175-177*). Он был впервые издан Б. Орео в 1859 году[3]. Впечатленный обилием параллелей между аутентичными текстами Гуго и изданным им трактатом, Орео, не вдаваясь в детальный анализ, ограничился лишь перечислением некоторых из этих параллелей. Приписывая трактат Гуго Сен-Викторскому, Орео пафосно заявлял: «Мы ни на миг не колеблемся в том, чтобы поместить эту работу среди подлинных сочинений нашего викторинца»[4]. Но, как выяснилось потом, нашлось маловато охотников без колебаний приписать этот трактат Гуго.

Итак, прошло почти столетие после *editio princeps* Б. Орео, прежде чем вышло в свет критическое издание *De Contemplatione et ejus speciebus*, подготовленное Роже Бароном и содержащее наряду с латинским текстом вступительную статью, французский перевод, примечания и индексы[5]. Первоначально это издание была защищено в Парижском университете 28 июня 1954 года в качестве докторской диссертации (Thèse complémentaire pour le Doctorat ès lettres). Хотя оформление титульного листа книги, выпущенной издательством «Desclée», свидетельствовало об атрибуции *De Contemplatione* Гуго Сен-Викторскому, подход Барона к проблеме аутентичности трактата был напрочь лишен прямолинейности, свойственной Орео. Этот подход предполагал готовность без устали решать проблемы, которые могли возникнуть, как только прежние сомнения, казалось, были рассеяны. Конечно, Барон, как и Орео, был «заворожен» сходством между пассажами из *De Contemplatione* и из подлинных сочинений викторинца, но он гораздо лучше, чем Орео представлял себе суть и детали философско-теологического учения Гуго. Французскому исследователю подчас казалось, что ранняя датировка трактата «О созерцании» позволит объяснить, например, почему в нем отсутствует триада «око плоти, око разума, око созерцания», характерная для таких более поздних трудов Гуго, как «Комментарий к “Небесной иерархии” Св. Дионисия Ареопагита» и «О таинствах христианской веры». Однако непредвзятый читатель мог счесть эту датировку нарочитой, ибо она была продиктована лишь желанием издателя устранить явное противоречие и не подкреплялась серьезными доводами. Сам Барон был вынужден признать очевидные недостатки *De Con-*

[2] Полное название: *Indiculum omnium scriptorum Magistri Hugonis de Sancto Victore que scripsit. Indiculum* был опубликован в 1910 году: Ghellinck J. de. La table des matières de la première édition des œuvres de Hugues de Saint-Victor // Recherches de science religieuse. T. 1, 1910. P. 270–289, 385–396.

[3] Hauréau B. Hugues de Saint-Victor: Nouvel examen de l’édition de ses œuvres avec deux opuscules inédits. Paris: Pagnerre, 1859. P. 177–210.

[4] Hauréau B. Op. cit. P. 96.

[5] Hugonis de Sancto Victore De Contemplatione et ejus speciebus/ Introduction, texte, traduction et notes par R. Baron. Tournai etc.: Desclée, [1958].

templatione – «несбалансированность структуры, диспропорции между различными частями произведения»[6] и т.п. Он выдвинул предположение, будто трактат «О созерцании» не был отредактирован и доведен до надлежащей кондиции самим Гуго и в таком виде оказался в руках его ученика, меру «соавторства» которого трудно определить с достоверностью [7]. В статье 1959 года Барон подчеркивал, что трактат «О созерцании» не представляет собой произведение, «ответственность за которое мог бы нести один лишь Гуго Сен-Викторский»[8]. Как бы то ни было, Барон отдавал себе отчет в том, что коэффициент аутентичности изданного им трактата «не очень высок»[9]. Сомнения в подлинности *De Contemplatione* преследовали Барона вплоть до его скоропостижной кончины в январе 1968 года. Во вступительной статье к изданному посмертно собранию шести духовных произведений Гуго Сен-Викторского Барон охарактеризовал трактат «О созерцании и его видах» как «сочинение, вдохновленное Гуго (œuvre d'inspiration hugonienne)»[10].

Вопрос об ученике-«соавторе» Гуго отнюдь не так незатейлив, как это может показаться на первый взгляд. Весьма любопытные свидетельства содержатся в послании Лаврентия, одного из учеников Гуго, к монаху Маврицию[11]. В послании Лаврентий повествует о том, как ему выпала честь с разрешения и под кон-

[6] *De Contemplatione* (Introduction par R. Baron). P. 15. Впрочем, оценки Барона ныне не всем представляются оправданными. Так, по мнению Porema, автор трактата «О созерцании» анализирует «многие формы и типы созерцания более систематическим или даже более схоластическим образом, нежели это делал Гуго когда-либо в своих неоспоримо подлинных сочинениях» (Rorem P. Hugh of Saint Victor. New York etc.: Oxford University Press, 2009. P. 201). Но что имел в виду Porem под «более систематическим» или под «более схоластическим» стилем анализа? Может быть, композиционные оплошности *De Contemplatione* были просто отодвинуты для него на второй план монотонной «ритмикой» неотступных трихотомий.

[7] Ibid. P. 15–16. Уже после смерти Барона, его защиту «частичной» подлинности *De Contemplatione* продолжил Рудольф Гой. Этот авторитетный ученый отнес трактат «О созерцании» к числу «вероятно подлинных трудов (wahrscheinlich echte Werke). «Можно, — писал Гой, — считать вероятным, что или Гуго, или какой-либо его ученик, как предлагает Барон в своем издании, является автором трактата» (Goy R. Die Überlieferung der Werke Hugos von St.Viktor: Ein Beitrag zur Kommunikationsgeschichte des Mittelalters. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1976. S. 480).

[8] Baron R. Hugues de Saint-Victor: contribution à un nouvel examen de son œuvres // Traditio. Vol. 15, 1959. P. 286.

[9] *De Contemplatione* (Introduction par R. Baron). P. 31.

[10] Baron R. Introduction // Hugues de Saint-Victor. Six opuscules spirituels / Introduction, texte critique, traduction et notes par R. Baron. Paris: Cerf, 1969. P. 11 (Sources Chrétiennes № 155).

[11] Это письмо было впервые опубликовано Б. Бишоффом. См.: *Bischoff B.* Aus der Schule Hugos von St. Viktor // Aus der Geisteswelt des Mittelaltes: Studien und Texte Martin Grabmann zur Vollendung des 60. Lebensjahres von Freunden und Schülern gewidmet / Hrsg. von A. Lang [u.a.]. // Beiträge zur Geschichte der Philosophie und Theologie des Mittelalters. Supplementband III. 1. Halbband. Münster i.W.: Aschendorff, 1935. S. 246–250 (Der Widmungsbrief des Laurentius an Mauritius – S. 250).

тролем учителя составить конспект лекций Гуго о божестве. По словам Лаврентия, «раз в неделю я приносил учителю Гуго вощёные дощечки (tabellas)[12], дабы, если что-то было излишним, оно, по его усмотрению, устранялось; если что-то было пропущено, оно восполнялось; если что-то было сформулировано неверно, оно изменялось; если же иногда что-то невзначай было выражено правильно, оно подтверждалось авторитетом такого великого мужа ((...) semel in septimana ad magistrum Hugonem tabellas reportabam, ut eius arbitrio si quid superfluum esset, resecaretur; si quid pretermissum, suppleretur; si quid uitiose positum, mutaretur; si quid uero quandoque forte fortuitu bene dictum, tanti uiri auctoritate comprobaretur)»[13]. Последнюю часть фразы не возбраняется истолковать так: Гуго мог хвалить Лаврентия не за скрупулезную точность записи услышанного, а за точное понимание его смысла. Таким образом, Лаврентий был вправе претендовать на роль не просто писца, а секретаря (artificem)[14], причастного к созданию научного труда, но он при этом отдавал пальму первенства Гуго как автору (auctorem)[15]. В конце концов, «Sententie de divinitate», или, по лапидарной характеристике Пуареля, «*Reportatio* du cours de Hugues, rédigée par un étudiant mais révisée par lui»[16], пригодились Гуго при создании им своего главного теологического сочинения «De sacramentis»[17].

Пример тесного сотрудничества учителя с одаренным и почтительным учеником мог настроить Барона на оптимистический лад в том, что касалось проблемы авторства *De Contemplatione*. Однако Барону следовало бы серьезнее проанализировать перспективу более пессимистического сценария, при котором не слишком образованный, но амбициозный «ученик» попытался бы, уже после смерти (возможно, сравнительно давней) учителя, руководствоваться своими собственными предпочтениями, бесконтрольно занявшись «совершенствованием» и дополнением сохранившихся записей. И, в таком случае, не стоило ли Барону внимательно отнестись к, скажем, грамматическим погрешностям «соавтора» *De Contemplatione*, которые были бы немыслимы для Гуго? Чтобы не ходить далеко за примерами, достаточно сравнить десятую главу третьей книги «Дидаскаликона», озаглавленную «О размышлении», с первой страницей латинского текста *De Contemplatione* в издании Барона, на которой под условным заглавием [Tit. I. — De meditatione] с незначительными купюрами воспроизводилась почти дослов-

[12] Ф. Сири не без основания предполагает, что Лаврентий использовал вощёные дощечки, на которых записанный им текст редактировался учителем и на основе которых мог быть создан манускрипт «Sententie de divinitate» (Siri F. *Lectio, disputatio, reportatio*. Note su alcune pratiche didattiche nel XII secolo e sulla loro transmissione // Medioevo e filosofia Per Alfonso Maierù / A cura di M. Lenzi, C.A. Musatti e L. Valente. Roma: Viella, 2013. P. 111).

[13] Письмо Лаврентия цитируется в издании А. Пьяццони, в котором оно предшествует прологу «Сентенций о божестве» (Sententie de divinitate): *Piazzoni A.M.* Ugo di San Vittore «auctor» delle «Sententiae de divinitate» // Studi medievali. Serie terza. Anno 23 – Fasc. 2. 1982. P. 861–955 (<Epistola Laurentii> — P. 912–913). Piazzoni A.M. Op. cit. P. 912, 26–30.

[14] Piazzoni A.M. Op.cit. P. 913, 35.

[15] Ibid. P. 913, 34.

[16] Poirel D. Hugues de Saint-Victor. Paris: Cerf, 1998. P. 41.

[17] Hugonis de S.Victore *De sacramentis christianae fidei. Praefatiuncula* (PL, *176*, 173–174).

но указанная глава из сочинения Гуго. Как мы читаем в «Дидаскаликоне», «Meditatio est cogitatio frequens cum consilio, quae causam et originem, modum et utilitatem uniuscuiusque rei prudenter investigat. Meditatio principium sumit a lectione, nullis tamen stringitur regulis aut praeceptis lectionis. Delectatur enim quodam aperto decurrere spatio, ubi liberam contemplandae veritati aciem affigat, et nunc has, nunc illas rerum causas perstringere, nunc autem profunda quaeque penetrare, nihil anceps, nihil obscurum relinquere (Размышление есть тщательно обдуманная мысль, которая благоразумно исследует причину и происхождение, способ бытия и полезность всякой вещи. Размышление берет начало в чтении, но оно не ограничивается никакими правилами или предписаниями для чтения. Ведь оно услаждается пробегом по некоему открытому простору, где оно устремляет свободный взор к истине, достойной созерцания, и затрагивает то те, то эти причины вещей, а порой и проникает в глубины, не оставляя ничего двусмысленного, ничего темного)»[18]. Если сравнивать приведенный латинский текст из «Дидаскаликона» с текстом из трактата «О созерцании и его видах», примечательно, что вместо фразы «ubi liberam contemplandae veritati aciem affigat» в *De Contemplatione* фигурирует фраза «ubi liberam affigat rationem ueritatis contemplande»[19]. Итак, в первом случае мы имеем дело с безупречной грамматикой, по правилам которой при глаголе *affigere* обычно используется прямое дополнение в аккузативе плюс косвенное дополнение в дативе. Во втором же случае дефективность грамматики неотвратимо проявляется в невнятице французского перевода Барона: «fixant librement (sic!) l'ideé d'une vérité à contempler»[20].

Барон не всегда обращал внимание на то, что, когда в *De Contemplatione* затрагивается экзистенциальная проблематика, автор подчас пользуется штампами и избегает сложных ритмических конструкций, позволяющих через череду пронзительных вопросов прикоснуться к глубинам внутреннего опыта. «Так он (внутренний человек. – *М.Г.*), – читаем в *De Contemplatione*, – отмечает смертность человеческого удела. Откуда он? Из глины, т.е. из праха земного. Что он есть? Сосуд глиняный; но следует опасаться, как бы не стал он сосудом греха. Для чего он? Чтобы обратиться в персть земную (Hic humane conditionis mortalitatem innuit. Vnde sit? ex materia figuli, id est ex limo terre. Quid sit? uas scilicet fictile, sed timendum ne fiat uas contumelie. Ad quid? ut reuertatur in puluerem terre)»[21]. Налицо попытка автора «О созерцании» драматизировать повествование введением ряда «вечных» вопросов. Однако есть смысл сравнить эти вопросы о чело-

[18] Hugonis de Sancto Victore *Didascalicon de Studio Legendi* III, 10 / A critical text by Ch. H. Buttimer. Washington: The Catholic University Press, 1939. P. 59.

[19] *De Contemplatione* / Éd. par R. Baron. P. 41.

[20] *De contemplation et de ses espuces*. P. 1. Кстати сказать, и последние строки [Tit. I. – De meditatione]: «Que omnia quanta sint admiratione digna, tanto magis quisque nouit quanto attentius Dei mirabilia meditari consueuit (Насколько все это достойно восхищения, некто знает тем в большей степени, чем тщательнее он обычно размышляет о чудесных делах Божьих)» (*De Contemplatione* / Éd. par R. Baron. P. 42) Р. Барон переводит неточно: «Tout cela est d'autant plus digne d'admiration que l'on sait avec plus d'attention méditer les merveilles de Dieu» (*De contemplatione et de ses espèces*. P. 2).

[21] *De Contemplatione* / Éd. par R. Baron. P. 43.

веческом уделе, о бытии человека в мире с содержащимися в эмфатическом зачине первой книги *De vanitate mundi* «экспрессивными вопросами» Гуго Сен-Викторского[22]. В этом сравнении явно выигрывает Гуго Сен-Викторский: он более тонок и выразителен как содержательно, так и стилистически. «О нечистый мир, как это так, что возлюбили тебя? И это есть плод твой? Это посул твой? Это надежда наша? Почему вознадеялись? Почему уверовали? Почему не возжелали задуматься? И вот как мы обманулись. Ничего другого не получили и остались (remansimus. – *М.Г.*) опустошенными. О нечистый мир, как это так, что возлюбили тебя? (O munde immunde, quale dileximus te? Hic ergo est fructus tuus? Haec promissio tua? Haec spes nostra? Quare speravimus? Quare credidimus? Quare cogitare noluimus? Ecce quomodo decepti sumus. Nihil reliqui habemus, inanes transimus. O munde immunde, quale dileximus te?)»[23].

Не отрицая заслуг Р. Барона в осмыслении трактата «О созерцании и его видах», следует учитывать и литературу, опубликованную после выхода в свет критического издания трактата *De Contemplatione* в 1958 году. Последующий библиографический обзор, будучи выборочным, отнюдь не претендует на полноту охвата. Уже в 1959 году вышла в свет статья Робийяра под интригующим названием: «Написал ли Гуго Сен-Викторский “О созерцании и его видах”?»[24]. Засвидетельствовав свою симпатию к Барону как издателю *De contemplatione*, Робийяр не скрывает радикальности своих намерений: «Нет, Гуго не написал *De contemplatione*»[25]. Кандидатуру, которую Робийяр выдвинул вместо Гуго, является, по его словам, «серьезной, очень серьезной» [26]. И это — Ришард Сен-Викторский. Как и Барон, сравнивая *De contemplatione* и *De septem septenis*, Робийяр завершил свою статью безапелляционным выводом: Ришард Сен-Викторский — автор *De contemplatione et ejus speciebus,* и, следовательно, автор *De septem septenis* — ученик Ришарда[27]. В пылу полемики Робийяр запамятовал о композиционных недостатках и «ученических» недочетах трактата «О созерцании», отмеченных Бароном. В итоге он приписал далекий от совершенства трактат Ришарду Сен-Викторскому, который, по словам Данте, «в созерцании был больше, чем человек (che a considerar fu più che viro)» (*Par.* X, 132)[28].

---

[22] Giraud C. Du silence à la parole: le latin spirituel d’Hugues de Saint-Victor dans le *De vanitate mundi* // Archives d’histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge. T. 77, 2010. P. 14.

[23] Hugo von St.Victor. *De vanitate mundi* / herausgegeben von K.Müller. Bonn: A. Markus und E.Weber’s Verlag, 1913. S. 26.

[24] Robilliard J.-A. Hugues de Saint-Victor a-t-il écrit le «De contemplatione et ejus speciebus»? // Revue des sciences philosophiques et théologiques. T. 43, 1959. P. 621–631.

[25] Robilliard J.-A. Art. cit. P. 622.

[26] Robilliard J.-A. Art. cit. P. 625.

[27] Robilliard J.-A. Art. cit. P. 631.

[28] Ришард досконально разработал систему восхождения человеческого духа не просто до высочайших степеней созерцания, но и до самоотчуждения духа в его экстатическом порыве к постижению сверхразумного. «Вот этими, — писал он в «Вениамине большем», — ступенями восхождения (promotionis. – *М.Г.*) поднимается дух человеческий. Размышлением он поднимается до созерцания, созерцанием — до восхищения, восхищением — до отчуждения ума» (*Benjamin maior* V, 12. S. [137], 19–21 Aris).

В разработке проблемы созерцания Ришард был последователем Гуго, но превзошел его особенно в таких сочинениях, как «Вениамин меньший» (*Beniamin minor*)[29] и «Вениамин больший» (*Beniamin maior*)[30].

Эти сочинения отличали не только сбалансированность структуры, но и тщательно продуманная концептуальная связь их отдельных частей[31]. Считать, что трактат «О созерцании и его видах» в случае его атрибуции Ришарду мог составить достойную конкуренцию двум «Вениаминам», было бы допущением, по меньшей мере, поспешным.

В опубликованной в 1991 году статье об *Ysagoge in Theologiam*, богословском компендии, созданном, вероятно, в начале второй трети XII века и довольно экстравагантно комбинирующем идеи Гуго Сен-Викторского с идеями Петра Абеляра, Майкл Эванс затронул ряд проблем касательно «сомнительного статуса

[29] Richard de Saint-Victor. Les douze patriarches ou Beniamin minor / Texte critique et traduction par J. Châtillon et M. Douchet-Suchaux; Introduction, notes et index par J. Longère. Paris: Cerf, 1997 (Sources Chrétiennes № 419).

[30] Richard von St. Victor. De contemplatione [Benjamin maior] / herausgegeben von Marc-Aeilko Aris in Zusammenarbeit mit J. U. Andres // Aris Marc-Aeilko. Contemplatio: philosophische Studien zum Traktat *Benjamin Maior* des Richard von St. Victor. Mit einer verbesserten Edition des Textes. Frankfurt am Main: Knecht, 1996. S. [1] – [148].

[31] Сопоставляя мистические сочинения Гуго и Ришарда, Патрис Сикар подчеркивал, что *De archa Noe* (ок. 1127 г.) и *De arca Moysi* («Вениамин больший», ок. 1160 г.) разделяли десятилетия, а поэтому «ковчеги» (т.е. символические обозначения человеческого духа) Гуго и Ришарда, хотя и вбирали в себя учения о деятельной и созерцательной жизни и о трояком (четверояком) смыслах священных речений (историческом, аллегорическом, моральном + анагогическом), понимались обоими мыслителями по-разному (Sicard P. Du *De archa Noe* de Hugues au *De arca Moysi* de Richard de Saint-Victor: Action, contemplation et sens scripturaires chez deux théoriciens maquettistes // Théologies victorines: Études d'histoire doctrinale médiévale et contemporaine. Les Plans: Parole et Silence, 2008. P. 57–106). Мистические доктрины Гуго и Ришарда кратко сравнивал Б.Т. Кулмен (Coolman B.T. The Victorines // The Wiley-Blackwell Companion to Christian Mysticism / Ed. by J.A. Lamm. Malden (MA); Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. P. 251–259). Мистицизм *De Contemplatione* тоже вполне согласовывался с обрамленной орнаментом глосс интерпретацией священных речений. Последняя фраза «О созерцании и его видах» весьма показательна. «Поэтому Писание говорит: *Если ты не можешь созерцать диск солнца, взгляни на него в окно Соломона* (Unde Scriptura: *Si non potes solem contemplari in rota, intuere ipsum in Salomonis fenestra)* [ср. Песн. 2, 9]» (*De Contemplatione* / Éd. par R. Baron. P. 93). Это не цитата, а сложная вариация на темы Песни песней 2, 9 и, возможно, первой главы Книги Пророка Иезекииля. В итоге каждое слово обладает особой семантической полифонией. Например, «rota» обозначает и «диск» [солнца], и «колесо» из видения Иезекииля. Обороту Вульгаты: «[возлюбленный мой] заглядывает в окно (в окна), мелькает сквозь решетку (сквозь решетки) (despiciens per fenestras prospiciens per cancellos)» остается единственное более или менее точное соответствие: «in fenestra». Кроме того, несомненно влияние таких авторитетных для философско-теологической мысли XII века экзегетов, как, скажем, Григорий Великий (См., например: Gregorii Magni Moralium Lib. XXXIV. Cap. 14: «Per solem quippe Dominus figuratur» (PL, *76*, 730D-731A).

De contemplatione в собрании работ Гуго»[32]. Эванс упомянул и о неизвестном последователе Гуго, ставшем его «соавтором». Но он считал маловероятным, что этот ученик, не сумевший вникнуть в мысль учителя, был из его ближайшего окружения. Наконец, Эванс усомнился в том, что раздел «О добродетелях», в частности, о четырех главных добродетелях (справедливости, мужестве, умеренности и благоразумии) – неотъемлемая часть трактата «О созерцании»[33], и эти сомнения оказались ненапрасными. Впрочем, утверждая, будто Гуго не проявляет никакого интереса к четырем главным добродетелям в своих аутентичных сочинениях, Эванс допускал ошибку[34].

Последнее десятилетие прошлого века ознаменовалось тем, что дискуссии медиевистов относительно аутентичности *De Contemplatione* мало-помалу затихли, поскольку доводы в ее пользу практически иссякли. В 1998 году в компактной, но содержательной книге, посвященной Гуго Сен-Викторскому, Доминик Пуарель констатировал: «В недавнем прошлом Р. Барон приписал Гуго, по крайней мере, частично, произведения, которые большинство историков сейчас считают неаутентичными: комментарий к "Уставу Св. Августина" и *De contemplatione et eius speciebus*»[35].

Однако уже в нашем веке произошло знаменательное событие: руководитель исследовательской программы «Генеалогия морали: главные добродетели в средневековом дискурсе, 500–1500» Иштван Бейци развернул эффективную систему аргументации, направленной против атрибуции *De Contemplatione* Гуго Сен-Викторскому. Основной вывод, к которому пришел Бейци, и дал название его знаковой статье: «*De contemplatione et eius speciebus:* A work falsely attributed to Hugh of Saint Victor»[36]. В этой статье Бейци сосредоточил внимание прежде всего на

[32] Evans M. The *Ysagoge in Theologiam* and the Commentaries Attributed to Bernard Silvestris // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 54, 1991. P. 21.

[33] Ibid.

[34] Так, в «Дидаскаликоне» Гуго Сен-Викторский затрагивал проблему главных добродетелей, давая определение общественной философии. «Общественная философия, – писал Гуго, – есть та, которая, принимая на себя заботу о государстве, способствует благополучию всех благодаря искусности своего предвидения, равновесию справедливости, неизменности мужества и стойкости умеренности (publica [sc. philosophia] est quae rei publicae curam suscipiens, cunctorum saluti suae providentiae sollertia, et iustitiae libra, et fortitudinis stabilitate, et temperantiae patientia medetur)» (Hugonis de Sancto Victore *Didascalicon de Studio Legendi* II,19 / A critical text by Ch.H. Buttimer. Washington: The Catholic University Press, 1939. P. 38). Приведенная фраза является цитатой из комментария Боэция к *Isagoge* Порфирия: «secunda [sc. philosophia] uero est quae rei publicae curam suscipiens cunctorum saluti suae prouidentiae sollertia et iustitiae libra et fortitudinis stabilitate et temperantiae patientia medetur» (Anicii Manlii Severini Boethii *In Isagogen Porphyrii Commenta* I, 3 / Rec. S. Brandt // CSEL, 48, P. 9, 17–20). В сочинении «О таинствах христианской веры» Гуго упоминал «четыре главных добродетели духа (quatuor principales virtutes animi)» в связи с экзегезой Ветхого Завета (Hugonis de S. Victore *De sacramentis* II, 4, 3 (PL, *176*, 434C)).

[35] Poirel D. Hugues de Saint-Victor. Paris: Cerf, 1998. P. 14–15.

[36] Bejczy I. P. *De contemplatione et eius speciebus:* A work falsely attributed to Hugh of Saint Victor // Studi medievali. Serie terza. Anno 45 –Fasc. 1. 2004. P. 433–443.

разделе «О добродетелях», содержащемся в трактате «О созерцании и его видах». Особый интерес у Бейци вызвала следующая сентенция из *De Contemplatione*: «Опять-таки, исток и происхождение справедливости есть равенство, сходство вещей, которое, уравнивая все в вещах, желает для равных причин равные права (Rursus iustitie fons et origo est equitas, que est rerum conuenientia cuncta coequiparans in rebus, paribus et causis paria iura desiderat)»[37]. По его мнению, определение равенства, в конечном счете, восходит к сочинению *Exordium Institutionum* (т.е. «Введение в *Институции* Юстиниана»), автор которого Мартин Гозия был одним из известнейших болонских учителей гражданского права в первой половине XII века. Определение равенства, данное Мартином, встречается в пяти работах, скомпилированных его последователями на юге Франции между 1127 и 1160 гг. Из этих работ особо выделяется *Summa Institutionum «Iustiniani est in hoc opere»*.

В первой главе («De iusticia et iure») первой книги этого сочинения, представляющей собой преимущественно пересказ *Exordium Institutionum*, обнаруживается знакомое нам определение равенства: «Set quia iusticie fons et origo est equitas, uideamus prius quid sit equitas. Equitas est rerum conuenientia que cuncta coequiparat. Vel equitas est rerum conuenientia que paribus in causis paria iura desiderat»[38]. Однако словосочетание «que cuncta coequiparat», отсутствующее в *Exordium* Мартина, максимально приближает текст *De contemplatione* к только что процитированному тексту неизвестного глоссатора. Бейци исследует источники и другой весьма важной сентенции из *De Contemplatione*: «Право есть высший смысл, вложенный в природу, который учит тому, что надо совершать, и запрещает противоположное; или: право есть искусство равного и благого, т.е. наука, которая принуждает людей к равному и благому (Ius est summa ratio nature insita, que docet facienda, prohibet contraria: uel ius est ars equi et boni, id est scientia que arctat homines ad equum et bonum)»[39]. Первая часть этого утверждения взята из трактата Цицерона «О законах» I, 18, хотя Цицерон говорил это не о праве (ius), а о законе (lex). Вторая часть определения «ius est ars boni et aequi» использовалась римским правоведом Цельсом, и, вошедши в *Institutiones* Юстиниана, она была повторена в многочисленных введениях в *Institutiones*. Среди этих введений следует выделить *Epitome exactis regibus*, составленное ок. 1150 года. Ведь именно в этой компиляции находится ближайшая параллель к тексту *De Contemplatione*: «Ius est ars boni et equi, id est, collectio legitimorum perceptorum que artant nos ad observandum bonum et equum»[40]. В своей статье Бейци привел еще несколько любопытных параллелей между текстами глоссаторов римского права и текстом *De Contemplatione*. По мнению Бейци, Гуго, много рассуждавший о божественной справедливости и обя-

[37] *De Contemplatione* / Éd. par R. Baron. P. 59. Подстрочные ссылки, которые предлагает Барон для поиска текстуальных параллелей, вроде сочинения Цицерона *De inventione* или комментария Макробия ко «Сну Сципиона», здесь явно недостаточны.

[38] La *Summa Institutionum "Iustiniani est in hoc opera"* I, 1 / éditée par P. Legendre. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1973. P. 23, 3–5.

[39] *De Contemplatione* / Éd. par R. Baron. P. 59.

[40] Die *Epitome Exactis Regibus* VIII, 3 / Herausgegeben von M. Conrat (Cohn). Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1884. P. 106, 2–4.

занности человека подчиняться ей, вряд ли нуждался в том, чтобы обращаться к юриспруденции для обоснования своих основополагающих позиций. Кроме того, систематическое изучение римского права, начавшееся на юге Франции в двадцатых годах XII века, не могло бы достичь севера Франции (а, стало быть, и Сен-Викторского аббатства) до 1160 года. Если допустить, что *De Contemplatione* было написано именно в этом аббатстве, то 1160 год становится вполне обоснованным *terminus a quo*. Бейци не останавливается на достигнутом. Он приводит отрывок из *De Contemplatione*: «Справедливость как бы опирается на две сестринские колонны: на мужество в противоборстве страху и на умеренность в противоборстве вожделению (Iustitia uero tanquam duabus sororibus fulcitur columpnis, fortitudine contra timorem, temperantia contra cupiditatem)»[41]. Источник этого пассажа Бейци идентифицирует, не колеблясь, ведь в *Ysagoge in Theologiam* читаем: «Ideo ergo iusticia duo columpnis fulcitur, scilitet fortitudine contra timorem, et temperantia contra cupiditatem»[42].

В свое время Р. Барон пытался доказать, что определения добродетелей, данные в *De Contemplatione* и в *Ysagoge* схожи, поскольку автор *Ysagoge in Theologiam* заимствовал многие дефиниции из *De Contemplatione*[43]. Однако мысль о том, что мужество в противодействии страху и умеренность в противодействии вожделению защищают справедливость, была весьма близка Абеляру[44]. Трудно предположить, чтобы Гуго Сен-Викторский был готов разделить взгляд Абеляра на мужество и умеренность как на вспомогательные по отношению к справедливости добродетели[45]. Но легко, и в этом можно согласиться с Бейци, представить себе почитателя Гуго, после смерти учителя выписывавшего из *Ysagoge* пассажи, которые, как казалось недальновидному «соавтору», подтверждали учение наставника. Результаты, полученные в статье Бейци, позволяют иначе взглянуть и на стратегию Барона в отношении четырех сохранившихся манускриптов *De Contemplatione*. Как известно, Барон имел дело с двумя главными манускриптами: ms. N (Paris, Bibliothèque Nationale, lat. 14.872, fols. 33r-46v), который датируется третьей четвертью XII века и имеет викторинское происхождение, и ms. O (Oxford, Bodleian Library, Laud. Misc. 409. fols. 116r-126v), датируемым началом XIII века.

---

[41] *De Contemplatione* / éd. par R. Baron. P. 60.

[42] *Ysagoge in Theologiam* // Landgraf A. Écrits théologiques de l'école d'Abélard. Textes unédits. Leuven: Spicilegium sacrum Lovaniense, 1934. P. 75.

[43] Baron R. A propos des ramifications des vertus au XII^{e} siècle // Recherches de théologie ancienne et médiévale. Vol. 23, 1956. P. 27–34.

[44] Признанный знаток средневековой философии Джон Маренбон утверждает, что у Абеляра «система четырех главных добродетелей превращается в иерархию, в которой справедливость нуждается в благоразумии (само оно не есть добродетель) и укрепляется мужеством и умеренностью». В примечании к этому пассажу Маренбон пишет: «Подобный анализ отношения между главными добродетелями обнаруживается в *Ysagoge in Theologiam*» (Marenbon J. The philosophy of Peter Abelard. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1997. P. 286).

[45] Стоит иметь в виду, что «в своих писаниях Гуго предстает тем, кто в общем отделял себя от учения Абеляра» (Luscombe D.E. The School of Peter Abelard: The Influence of Abelard's Thought in the Early Scholastic Period. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1969. P. 196).

Барон отдавал явное предпочтение ms. N, хотя многие чтения ms. O выглядели более убедительными. В ms. O, в частности, отсутствуют пассажи о справедливости и о мужестве и умеренности. Бейци же считал доказанным, что Гуго Сен-Викторский никак не мог быть автором раздела о главных добродетелях в том виде, в каком он представлен в ms. N[46]. Статья Бейци завершается следующим утверждением: «Наш неизвестный автор, несомненно, был викторинцем, который очень старался совместить мысль Гуго и Ришарда с источниками, выбранными на его собственный вкус»[47]. В основательной монографии, аккумулирующей исследования его излюбленной темы «Главные добродетели в средневековом дискурсе», Бейци представляет в привычном ему ракурсе трактат «О созерцании и его видах», давая краткую, но емкую характеристику этого трактата. «*De contemplatione et eius speciebus* , — пишет Бейци, — трактат, ошибочно приписанный Гуго, но, весьма вероятно, викторинского происхождения, содержит детально разработанные пассажи о четырех добродетелях, зависящие не только от Цицерона и Макробия, но и от *Ysagoge in theologiam* (в особенности в том, что касается Абеляра воззрения на мужество и умеренность как на добродетели, вспомогательные по отношению к справедливости), и от тогдашних глоссаторов римского права (в особенности в том, что касается определения справедливости), — источников, которые Гуго либо игнорировал, либо избегал»[48].

Подводя некоторые итоги, нетрудно допустить, что отношение к трактату «О созерцании и его видах» может быть различным. С одной стороны, памятуя о том, что этот трактат некогда приписывался Гуго Сен-Викторскому, напрашивается вывод о том, будто потеря столь почтенного авторства влечет за собой потерю статуса и, стало быть, изучение этого текста не сулит ничего нового и перспективного. Такова, в конечном счете, позиция Патриса Сикара, выраженная в его книге «Гуго Сен-Викторский и его Школа». Поскольку трактат «О созерцании и его видах» не входит ни в список сочинений, фигурирующих под рубрикой «Подлинные сочинения (Œuvres authentiques)»[49], ни в список сочинений, чья атрибуция сомнительна (Œuvres d'attribution douteuse)[50], то, по вердикту Сикара, трактат должен быть рассмотрен как «определенно неаутентичный» (œuvre d'une spurilité certaine)[51]. Подход Сикара трудно назвать продуктивным, ибо помимо бесспорно признанных авторитетов духовную и интеллектуальную атмосферу XII века обусловливали в той или иной мере и «середняки».

Гораздо продуктивнее, на мой взгляд, подход Д. Пуареля. «Если, — пишет Пуарель, — понятно и даже желательно, что историки сосредоточивают свои усилия на вершинах викторинской школы, то авторы менее блестящие, но намного

[46] Bejczy I. P. Art. cit. P. 442.

[47] Bejczy I. P. Art. cit. P. 443.

[48] Bejczy I. P. The Cardinal Virtues in the Middle Ages: A Study in Moral Thought from the Fourth to the Fourteenth Century. Leiden: Brill, 2011. P. 104.

[49] Sicard P. Hugues de Saint-Victor et son École: Introduction, choix de texte, traduction et commentaires. Turnhout: Brepols, 1991. P. 273–276.

[50] Sicard P. Op.cit. P. 276–277.

[51] Sicard. P. Op.cit. P. 273.

более показательные дают, без сомнения, более точную идею интеллектуального и духовного «среднего» климата в Сен-Викторской школе; более того, они позволяют увидеть, в какой мере наиболее оригинальные интуиции Гуго или Ришарда были в действительности поняты, ассимилированы и отражены их собратьями»[52]. Вместе с тем не стоит оценивать достоинства или недостатки *De Contemplatione* только в рамках Сен-Викторской школы, а есть смысл обозреть их в более широком контексте, т.е. в сравнении с произведениями, созданными представителями других школ и направлений теолого-философской мысли XII века.

Как известно, трактат «О созерцании и его видах» начинается со ссылки на «главные древние авторитеты (iuxta primarias ueterum auctoritates)»[53], и весьма симптоматично, что сочинение *De septem septenis* («О семи семерицах»), некогда приписывавшееся Иоанну Солсберийскому (PL, *199*, 945D-964D), опирается на такие прослывшие авторитетными источники XII века, как, например, «*De contemplatione* Псевдо-Гуго Сен-Викторского»[54]. Непосредственная зависимость шестой семерицы *De septem septenis* от *De Contemplatione* не вызывает сомнений. Автор «О семи семерицах» старается резюмировать рассуждения автора *De Contemplatione* и утверждает: «Существуют семь родов созерцания: размышление, внутренняя беседа, осматривание, восхождение, откровение, излияние, вдохновение» (PL, *199*, 955B). Пять способов познания Бога тождественны в обоих источниках: ex creatura mundi, ex ratione vel natura animi, ex cognitione divini eloquii, ex radio contemplationis, ex gaudio felicissimae visionis[55]. Однако подробность их описания в *De septem septenis* значительно уступает многословному *De Contemplatione*. Как бы то ни было, трактат «О созерцании и его видах» продолжает оставаться важным источником для адекватного описания эволюции философско-теологической мысли XII века во Франции в частности, и в Европе в целом.

---

[52] Poirel D. L'école de Saint-Victor au Moyen Âge: bilan d'un demi-siècle historiographique // Bibliothèque de l'école des Chartes. Tome 156, livraison 1, 1998. P. 207.

[53] *De Contemplatione* / Éd. par R. Baron. P. 41.

[54] Németh Cs. Fabricating Philosophical Authority in the Twelfth Century: The *Liber Egerimion* and the *De septem septenis* // Authorities in the Middle Ages : Influence, Legitimacy, and Power in Medieval Society / Ed. by S. Kangas, M. Korpiola, T. Ainonen. Berlin; Boston: De Gruyter, 2013. P. 76. По характеристике Немета, *De septem septenis* «сулит познание божественных вещей и представляет вполне достаточный набор *auctoritates*» (Ibid. P. 69).

[55] *De septem septenis* (PL, *199*, 958C); Ср.: *De Contemplatione* / Éd. par R. Baron. P. 76: ex creatura mundi, ex ratione uel natura animi, ex cognitione diuini eloquii, ex radio contemplationis, ex gaudio felicissime uisionis.